

ВОЛОГОДСКИЙ ОБЛАСТНОЙ ДОМ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА
ПРИ УПРАВЛЕНИИ КУЛЬТУРЫ ОБЛИСПОЛКОМА

СЛАВА ТЕБЕ, РАБОТА

РЕПЕРТУАРНЫЙ СБОРНИК В ПОМОЩЬ
АГИТАЦИОННО-ХУДОЖЕСТВЕННЫМ
БРИГАДАМ

ВОЛОГДА
1962

И 483897

„Мы придем к победе коммунистического труда!“

В. И. Ленин.

„Построение коммунистического общества стало практической задачей партии и народа.“

Для утверждения коммунизма нужна прочная материальная база и изобилие материальных и духовных благ. А этого нельзя достигнуть заклинаниями и призывами. Коммунизм можно построить трудом, трудом и только трудом миллионов“.

Н. С. Хрущев.

МОРАЛЬНЫЙ КОДЕКС СТРОИТЕЛЯ КОММУНИЗМА

Преданность делу коммунизма, любовь к социалистической Родине, к странам социализма;

— добросовестный труд на благо общества: кто не работает, тот не ест;

— забота каждого о сохранении и умножении общественного достояния;

— высокое сознание общественного долга, нетерпимость к нарушениям общественных интересов;

— коллективизм и товарищеская взаимопомощь: каждый за всех, все за одного;

— гуманные отношения и взаимное уважение между людьми: человек человеку — друг, товарищ и брат;

— честность и правдивость, нравственная чистота, простота и скромность в общественной и личной жизни;

— взаимное уважение в семье, забота о воспитании детей;

— непримиримость к несправедливости, тушеванию, нечестности, карьеризму, стяжательству;

— дружба и братство всех народов СССР, нетерпимость к национальной и расовой неприязни;

— непримиримость к врагам коммунизма, дела мира и свободы народов;

— братская солидарность с трудящимися всех стран, со всеми народами.

ПИСАТЕЛИ О ТРУДЕ

«От простейшей пуговицы и спички до комбайна и аэроплана — все создается человеком. Все тайны жизни, все ее загадки разрешает трудовая энергия людей».

М. Горький.

«Если вы, молодые люди, действительно хотите «большой красивой жизни» — делайте ее, идите рука об руку работать с теми, кто героически строит небывалое, грандиозное».

М. Горький.

«Право на труд в нашем обществе — это не только право на заработок, это прежде всего — право на творчество, право на участие в социалистическом строительстве, в решении государственных задач».

А. Макаренко.

«У нас перед каждой девушкой и каждым юношей широко раскрыты двери в жизнь. Они могут добиться вершин знаний, счастья, славы, но ко всему этому ведет лишь одна дорога — через честный героический труд, только через труд, ставший делом чести, доблести, славы и геройства».

Н. Островский.

Амирхан ШОМАХОВ

СЛАВА ТЕБЕ, РАБОТА!

Степи, моря и горы,
В россылях звездных луг —
Сколько вокруг простора
Для умных и сильных рук!

Слава тебе, работа,
Жизни свободной свет,
А без труда
Почета
Нет человеку,
Нет!

Солнечным дням порукой —
Всепобеждающий труд;
Только рабочие руки
Будущее куют.
Красит нас не одежда:
В нашей стране везде
Радость людей и надежда
В мирном живут труде.

Слава тебе, работа,
Жизни свободной свет,
А без труда
Почета
Нет человеку,
Нет!

ГИМН КОММУНИЗМУ

Слова Н. Доризо

Музыка К. Молчанова

Торжественно

Скре . пим в борь . бе ру . ко . по .

ЖАТЬ . Я , СЕ . БЯ ОТ ЧИЗ . НЕ ОТ ДА . АНМ МЫ

ЛЮ . ДИ Э . ТО ЗНАЧИТ БРАТЬ . Я . НАМ КОММУ . НИЗМ НЕ . ОБ . ХО .

ДНМ . Ком . му . низм Э . ТО ЗНА . МЯ ТВО . Е , ЧЕ . ЛО . ВЕК ! Ком . му .

mf Припев

НИЗМ Э. ТО СЧАСТЬ Е ТВО Е, ЧЕ ЛО ВЕК' КОМ. МУ

НИЗМ Э- ТО КРЫЛЬ-Я ТВО. И, ЧЕ ЛО ВЕК! БУДЬ ЖЕ

СЧАСТ ЛИВ НА ВЕК, ЧЕЛО. ВЕК! ДА // . ВЕК!

ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ   ДЛ Я ОКОНЧАНИЯ

Скрепим в борьбе рукопожатья,
 Себя Отчизне отдадим.
 Мы люди, это значит — братья.
 Нам коммунизм необходим.

Припев.

Коммунизм — это знамя твое, человек!
 Коммунизм — это счастье твое, человек!
 Коммунизм — это крылья твои, человек!
 Будь же счастлив навек, человек!

Дадим работу нашим рекам,
На небе звезды победим.
Во имя счастья человека
Нам коммунизм необходим.

Припев.

Мы дети ленинского века,
У нас один святой закон:
Все, все для счастья человека,
Всему хозяин только он.

Припев.

Припев:

Партия! Партия! Партия!
Солнцем поход твой богат.
Партия! Партия! Партия!
Знамя ударных бригад!
Родина! Родина! Родина!
Поступь народа тверда.
Родина! Родина! Родина!
Славься, Отчизна труда!

Двигутся, движутся новые годы,
Юность идет за отцами вослед,
И не забудут наши походы,
Наши дороги побед!
Молодость вышла навстречу
преградам,
В годы борьбы их ломать не впервой!
Юным бригадам,
Новым отрядам
Дорог почин трудовой!

Припев.

Высится, высится наша Отчизна!
Мы возвели неоглядный свой дом!
Мы поднимаемся в мир коммунизма,
Славя Отчизну трудом!
Юность, гордись трудовой судьбою!
Песня цехов — нескончаемый гуд!
В поле, забое —
Всюду с тобою
Коммунистический труд!

Припев.

ЭТО БУДЕТ

Это будет!
Вы слышите?
Все!
Обязательно!
Будет!

Ярче,
ярче,
октябрьское знамя, свети!
Наша встреча близка,
дорогие товарищи люди,
вам осталось
немногие годы пройти.
Будет песням бесчисленным
в Космосе
тесно!

Завоеванный вами,
заработанный день —
я приду,
подчиняясь решению съезда,
стану общим законом
счастливых людей!
Было трудным начало,
и путь мой неблизок,
мир был сдавлен и скован
жестокою мглой,
по угрюмой Европе
бродил я, как призрак,
слабый луч
в непроглядной ночи ледяной.
Мне бы так и остаться
мечтою навечно,
но, зарю торопя,
что вставала вдали,
шар земной коммунисты
взвалили на плечи
и навстречу рассвету
его понесли!
Никакая теперь
непогода
не скрутит —

Не будет мыслей злых и пошлых —
Не зря ведем мы с ними бой.
Все лучшее в эпохах прошлых
В дорогу заберем с собой.
Возьмем и Моцарта, и Маркса,
И стынть есенинских берез.
Так космонавт в дорогу к Марсу
Необходимое берет.

Дорогой горной, каменистой
Идем в свечении знамен.
Я буду жить при коммунизме,
Ты будешь жить при коммунизме,
Мы будем жить при коммунизме —
Таков истории закон!

Е. ДОЛМАТОВСКИЙ

ЧЕРЕЗ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ...

Великая Программа, дай ответ,
Что будет с нами через двадцать лет?
Прости! Я думал только о себе,
О возрасте своем, своей судьбе.

Но слово «мы» сам произнес язык,
Им слово «я» он заменять привык.
Мы знаем все, что будет со страной.
Но что произойдет с тобой, со мной?

Мы лично, как мы в коммунизм войдем?
Как с ордерами входят в новый дом?
Иль как тогда, в суровые года,
Солдатами вступали в города?

Нет, кажется, не этак и не так.
Пусть сердце направляет каждый шаг,
Пусть сердце проверяет каждый вздох
Строителя великих двух эпох.

Горюя, радуясь, борясь, любя,
Мы строим каждый день самих себя.
А, значит, проверяется герой
Не только целиной и Ангарой.

ИДЕТ РАБОЧИЙ КЛАСС

Слова М. Матусовского

Музыка В. Баснер

В темпе марша Торжественно

Еще по всюду на земле предутренний по-
кой, а мы шагаем не спеша до-рогой за-вод-
ской мы на-чи-на-ем э тот путь бо-дин и тот же
час и дут ко-сяк ва-зем-ли, и дет. ра-бо-чий
Припев
класс Ру-ки ра-бо-чих вы-да-
ете дви-же-ние пла-не-те, ру-ки ра-
бо-чих, мы о вас э-ту пес-ню по-ем,
ру-ки ра-бо-чих соз-да-ют все бо-гат-ства на-
све-те, зем-лю род-ную об-нов-ля-я тру-
дом. *ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ* Мы честь ра- *ДЛЯ ОКОНЧАНИЯ* дом.

Еще повсюду на земле
Предутренний покой,
А мы шагаем не спеша
Дорогой заводской.

Мы начинаем этот путь
В один и тот же час.
Идут хозяева земли,
Идет рабочий класс.

Припев:

Руки рабочих,
вы даете движенье планете,
Руки рабочих,
мы о вас эту песню поем.
Руки рабочих,
создают все богатства на свете,
Землю родную
обновляя трудом!

Мы честь рабочую храним
И ей верны всегда.
Не раз проверена в делах
Династия труда.

Сердца надежные, как сталь,
Испытаны не раз.
Идут хозяева земли,
Идет рабочий класс.

Припев.

Гордись всегда, что ты живешь
В кругу большой семьи,
Что где-то рядом держат путь
Товарищи твои,

Что солнце каждый новый день
Восходит ради нас.
Идут хозяева земли,
Идет рабочий класс.

Припев.

ЗДРАВИЦА КОСМОНАВТАМ

Слова Николая Флерова

Муз. Д. Салиман-Владимирсца

Торжественно

cresc

Сла. вен сказоч. ный путь космонавтов род. ных поздрав.

cresc

Припев

А. ЕТ ЗЕМ. АЯ СВОЗВРА ЩЕ. НЛЕМ НХ СО ВЕТ. СКО. МУ

cresc

ЗНА МЕ-НИ СЛА-ВИТЬСЯ! СЫ-НАМ НАШЕЙ ПАРТИИ ЗДРАВИЦА!

СО- НАМ НАШЕЙ ПАРТИИ ЗДРА-ВИ-ЦА! Ру-ки

Для окончания
НАМ НА-ШЕЙ ПАР-ТИИ ЗДРА-ВИ-ЦА!

Славен сказочный путь
Космонавтов родных,
Поздравляет земля
С возвращением их.

Припев:

Советскому знамени
славиться!
Сынам нашей партии —
здравница!

Руки тянутся к ним, —
Это Родина-мать
Хочет в солнечный час
Космонавтов обнять.

Припев.

Новым плыть кораблям
Вдоль космических трасс.
Мы героев своих
Повстречаем не раз.

Припев.

Так в великий наш век,
Славя радостный груд,
В необъятную высь
Коммунисты идут.

Припев.

А. ЕЛКОВ

БРИГАДА

Слово «бригада»
не для парада,
У этого слова
стальная основа.

У этого слова
обветрены губы,
роба
    прожженная
синим огнем,
у этого слова
смех белозубый,
кепка

    с заломленным
        kozyрьком.

А башенный кран —
точно в небо указка.
У слова «бригада»
крутая закваска,
горячие руки,
порыв, что есть мочи,
Гагановой совесть,
Корчагинский почерк.

На вахте стояли
две смены мы кряду.
И вены вздувались
на лбу у бригады.
Картаво врывалась
на площадь с лесов
песня
в четырнадцать голосов,
настойчивых,
медных,
в сердце каленых,
кричащих победно
из глоток луженых.

О, кровь молодая,
с любовью и верой,
соленая жажда работы
без меры!
Четырнадцать
скроенных ладно ребят
за словом «бригада»
стеною стоят.

У этого слова
шаг утром торопкий,
к высотам и верстам
привычные ноги.
У этого слова
не узкие тропки —
широкие,
с ветром да с солнцем
дороги!

НЕТ ПРЕГРАДЫ МЕЧТЕ

Слова О. Дмитриева Муз. В. Мурадели

Мы меч- та ем о счастье и ми ре и бо-
роть ся за э то дол жны Не поз во лим сна ря-ду и
ми не прохри чать о на ча-ле бой ны Пусть вос-
хо ды го-рят и за ка- ты и ве-сен-ни е песни зву-
чат Пусть на век за-мол-чат ав то ма- ты, а сер-
ца мо-ло-ды е сту-чат! *Хор f* Нет прег-
ра ды! Нет прег-ра-ды мечте, нет пре де ла!
Вста нем ря-дом, встанем ря-дом, ровесник, сто-
бой! На ше мир-но е сло-во на ше
чест но-е де-ло ю ность ми-ра ве-
дет за со- бой! По-да // бой!

Мы мечтаем о счастье, о мире
И бороться за это должны.
Не позволим снаряду и мине
Прокричать о начале войны!
Пусть восходы горят и закаты
И весенние песни звучат,
Пусть навек замолчат автоматы,
А сердца молодые стучат!

Припев:

Нет преграды!
Нет преграды мечте, нет предела!
Встанем рядом,
Встанем рядом, ровесник, с тобой.
Наше мирное слово,
Наше честное дело
Юность мира ведет за собой!

По далеким космическим трассам
Голубые пройдут корабли.
Покоренное нами пространство —
Это тоже для счастья земли.
Поднимаем мы к солнцу планету
Миллионами дружеских рук.
Эта верная счастья примета,
Если мы собираемся в круг!

Припев.

Ф. БЕЛКИН

ТРАКТОРИСТУ

Здесь все твое — и солнце, и трава,
Тепло земли, и голубые дали.
Ты засучил повыше рукава,
Чтоб мускулы прохладой дышали.

Ты прославляешь русскую весну —
Соленый пот расписывает шею.

Ведешь машину, режешь целину,
И борозды ложатся, как траншеи.

Они напоминают о войне,
Ползут через бугры и перевалы.
Еще торчат осколки в целине,
Царапают зеркальные отвалы...

И воспевая жизни красоту,
Ты вспомнил всех друзей стрелковой
роты.

Четыре дня вы брали высоту,
Сегодня взял в четыре поворота.

И не беда, что ветер молодой
В твое лицо швыряет мутной пылью.
На поле встанет колос золотой,
Он прозвенит богатым изобильем...

Здесь все твое — и зелень, и листва,
Тепло земли, и голубые дали.
Ты засучил повыше рукава,
Чтоб мускулы прохладой дышали.

Л. ОШАНИН

МЕХАНИК

Я по нашей области любимой
Разъезжаю в разные края,
Потому что всем необходима
Умная профессия моя.

И в деревне, где шумит ольшаник,
Где в полях от солнца горячо,
Девушки кричат: — Привет, механик! —
Улыбаясь мне через плечо.

А когда стемнеет и нависнут
Звезды, видные из разных стран,

Я среди берез широколистных,
Словно парус, разверну экран.

И колхозники, забыв усталость,
Поплывут со мною сквозь туман
В города, на северные скалы
И на самый Тихий океан.

Ляжет вновь дорога фронтовая,
Загорится алый свет Кремля,
Вся в цвету от края и до края,
Обновляя, зашумит земля.

Ветер забирается в ольшаник,
Звезды обещают урожай.
Девушки кричат: — Привет, механик!
Неприменно завтра приезжай!

Ю. ПЕТРОВ

ГЕРКУЛЕСЫ

Как поэзия, ночь бессонная
В стуке плотничьих топоров,
Ночь железная, ночь бетонная
Под лучами прожекторов.
Опоясанная кострами,
За которыми тьма, что смоль,
Вся пронизанная ветрами
До костей поперек и вдоль.
Снег повалится хлопьями густо ли,
Или хватит к утру мороз,
Топоры все равно без устали
Гвозди с маху вгоняли в тес.
Градом катятся капли пота,
А ребятам, как на подбор,
По плечу любая работа,
По душе огневой напор.
План составлен — внесут поправку,
Срок положен — опередят.

Чисто наша в крови заправка
Трудовая у тех ребят.
Не борцы, не тяжеловесы,
А работают за троих,
И не зря прораб геркулесами
Называет с любовью их.
Если надо — две смены выстоят,
Будь уверен — не подведут,
Гидростанцию надо — выстроят,
Надо домну — домну дадут.
Потому и стучат без устали,
Гвозди с маху вгоняя в тес,
Топоры на стройках индустрии
Днем и ночью, в жару и в мороз!

А. РОМАНОВ

ВОЛОГДА — ЧЕРЕПОВЕЦ

Из дорожного блокнота

Многие — я слышал — любят спорить,
Хоть подобный спор давно не нов,
Об одном и том: какой же город
Лучше вот из этих городов?

А давайте все-таки признаемся
И окончим споры, наконец —
Вологда сама с хорошей завистью
Смотрит молча на Череповец.

Смотрит сквозь поля и перелески
Из-под кружевного рукава,
Смотрит вдаль, где обликом не резким,
Обликом, намеченным едва,

Высятся по горизонту трубы,
Развернув знаменами дымы.
Эти вышки славы многотрудной
Всем — не только Вологде — видны!

...Я бывал немало в этом городе,
Знаю удивительных ребят —
Серые спецовки носят гордо,
В чрево домен сквозь очки глядят.

Это — настоящая работа,
Лишь мужчинам, как они, под стать —
У печей стоять вполоборота,
Огненные бури укрощать!
Оттого, наверно, не иначе,
Прямота характеров у них.
Мненья своего они не прячут,
Если скажут — это что-то значит,
И презренье к истинам ходячим
На губах играет у таких...

Вологда — сама она работница,
Ей не годы, ей столетья помнятся,
Труд она умеет уважать.
А сейчас она глядит, как мать,
И в глазах, зеленых, удивленных,
Вспыхивают ныне средь ночей
Отблески череповецких домен
И огни мартеновских печей.

КУЗНЕЦЫ

Возле речки — быстротечки
Кузнецы куют колечки.
Парни точат для колхоза
Топоры и лемеха,
Гнут железо, словно лозы,
Раздуваются меха.
Молотки горят от пляса,
Мастер кожей опоясан,
Молотком проворно машет,
Смуглолицый от огня...
Говорят, на фронте маршал
Доверял ковать коня,

Он стучит, стучит и варит.
Он родной артели дарит:
То для плотника подпилки,
То болты для молотилки,
Жеребьятам погремочки —
Бубенцы из серебра
И мудреные замочки
Для колхозного добра.
Он стоит в железном гrome,
Эхо будит в каждом доме.
Серьги пляшут на березе,
Дуб качает головой.
Кузнецы куют в колхозе
Так, что слышно за рекой.

РОВЕСНИКУ

Н. КАСЬЯНОВ

Называют рабочим поэтом.
Никогда я не думал об этом,
Не мечталось такое даже —
Я любил воспевать пейзажи
И безжалостно краски тратил
На цветы, на небо, на травы.
Уходил в поля на рассвете,
Чтобы алую зорьку встретить,
Поздороваться с солнцем первым
И с березками-говоруньями
И послушать, как птичка серая
По лугам играет струнами...
А теперь я пою человека,
Человека двадцатого века
Современника, мне ровесника,
Работягу, счастливец, песенника.
Марс, Юпитер, Луну, Венеру
Посетит современник первым...
Я усталые славлю руки,
Что не знают лени, покоя,
Что дрова в два обхвата
рубят
И высокие зданья строят.

Что каналы в пустыне роют...
Славлю наших советских героев!
Славлю гений ума человека,
Человека двадцатого века, —
Современника, мне ровесника,
Работягу, счастливца, песенника.
Для него и цветы, и рассветы,
Солнце, звезды, реки, леса...
Называют рабочим поэтом,
Потому что рабочий сам,
Потому,
        что с народом вместе
Я живу,
        и тружусь, и пою
Потому,
        что ему я ровесник —
В нем судьбу свою узнаю!

Игорь ТАРАБУКИН

КОСМИЧЕСКИЕ ЧАСТУШКИ

У ребят одно стремленье:
В космос просят направленье.
Мол, обжили целину,
Обживать пора Луну!

У ракеты график строг —
Приземлилась точно в срок.
Если б так же поезда
Прибывали в города!

Нынче в космосе кругом
Посевную мы ведем.
По квадратам гнездами
Засаеваем звездами!

Милый в космос улетел,
Дробовик с собою взял:
Вдруг случайно встретится
Там с Большой Медведицей!

У бригад коммунистического труда большое будущее. Владимир Ильич мечтал о труде радостном, творческом, труде высокообразованных рабочих, овладевших техникой и достигших самой высокой в мире производительности. Возникшее в наши дни движение бригад и ударников коммунистического труда воплощает в себе мечты Ильича. На наших глазах, в наше время, когда страна вступила в период развернутого строительства коммунизма, сбывается предвидение великого Ленина, который в 1920 году заявил:

«Мы придем к победе коммунистического труда!»

В. КЕТЛИНСКАЯ

МУЖЕСТВО

Отрывок из романа

...Без десяти восемь четырнадцать штукатуров заняли свои места. Ровно в восемь все соколки поднялись вверх, как палитры художников, а все кельмы блеснули еще не измазанным блестящим металлом, подбрасывая и поворачивая сочный раствор, как хорошие хозяйки подбрасывают и валяют тесто, — и первые порции безукоризненной штукатурки легли на стену в четырнадцать местах, разбрызгиваемые, уминаемые, разглаживаемые точными движениями сокольников.

— Поехали! — закричал Валька и покосился на док; где уже вертелся корреспондент газеты и собирались первые зрители. — Поехали, орлы, виртуозы!

И ловко, на красоту, подбрасывая и размашисто раскидывая по стене свинцово-серое штукатурное тесто, он

отдался работе, подгоняя себя и других безукоризненной точностью движений.

Ритм владел им и владел его тринадцатью товарищами. Они изредка переглядывались, без слов понимая друг друга. Они то вытягивались на носках, то приседали, то перегибались влево и вправо. Это был своеобразный танец, только танцевали не ноги, а руки, зато работа этих четырнадцати пар умелых рук была поразительна. В их движениях не было спешки, иногда даже казалось, что они слегка медлительны, особенно на отделке колонн, когда они терками и полутерками осторожно и любовно разглаживали, выравнивали и шлифовали до полной гладкости острые выступы и края. Весь смысл, вся красота их работы была не в спешке, а в той продуманной четкости и безукоризненности трудовых движений, которые дают больше, чем любая спешка.

Ритм был основой слаженности маленького трудового коллектива. Этот ритм перекинулся к подсобным рабочим, без отдыха подвозившим материал и месившим раствор. Согласованность движений и действий установилась с первой минуты, когда бригада и подсобники, подобно гимнастам на арене, стройно заняли свои места.

— Качество, орлы! Качество, виртуозы! — выкрикивал Валька, отрываясь от работы, чтобы пробежать по лесам и посмотреть, все ли в порядке. В середине дня стало затирать с цементом, Валька побежал к инженеру Путину, его губы побелели от злости: — Вы что, шутки со мной шутите? За одну минуту простоя — да я весь док разнесу в щепы!

Но в работе он был расчетлив! Пока доставили цемент, Валька перевел бригаду на отделку колонн. Не только зрители, но и сами штукатуры не знали, что блестящий темп чуть не сорвался, — Валька оберегал их настроение.

В обеденный перерыв толпа внизу так увеличилась, что, казалось, прыгни с лесов — упадешь прямо на мягкую кучу тел. В конце рабочего дня толпа снова стала сплошной, и те, кто уже побывал здесь утром и днем, не верили глазам: стены как будто сами покрылись темным слоем мокрой штукатурки. Было невероятно, что 14 человек могли столько сделать за 8 часов работы. Теперь никто уже не разговаривал. Было так тихо, что слышно было легкое шипение раствора под металлическими ло-

патами штукатуров и тихий скрежет терок, шлифующих поверхность стены.

Последние голые пятна исчезали на глазах. Подсобники укатывали вниз тачки — материал больше не нужен был. Но, откатив тачки, они не уходили, а замирали на месте, забыв и усталость, и голод, — они были участниками торжества.

И вот Валька Бессонов оторвался от своего участка, кивнул соседу и перешел вперед. Все поняли его порыв — Валька хотел собственноручно закончить последний метр. Он перебежал вперед и сразу включился в прежний ритм, но под его руками ритм убыстрился, как убыстряется ритм огневого танца перед самым концом.

Протекали минуты. Один за другим штукатуры навели на своих участках стены последний лоск. В тишине отчетливо шипела терка Бессонова: шу, шу, шу...

И вдруг разом зашевелилась, зашумела вся масса людей. Ритм оборвался. Валька Бессонов повернулся лицом к зрителям, подняв руку с уже ненужной теркой, и вся толпа дружно ударила в ладоши.

Бессонова захватил корреспондент газеты.

— Интервью, — уверенно сказал Валька. — Бригада Валентина Бессонова оштукатурила сегодня тысячу двенадцать метров стены. Каждый штукатур сделал семьдесят два с хвостиком квадратных метра при норме двадцать метров за восемь часов. Все дело в организации работы и умении.

К. БАСЕНКО

ГРЯДИ, ЗАВТРА!

Грядет весна человечества!

Слышите могучую песню, которая ширится, крепнет в миллионном аккорде? Слышите? Это песня нового, неудержимого, невиданного доселе половодья нашей жизни.

Это песня солнечного яркого света, мощнее которого нет ничего в мире.

Это песня нашего завтра.

Здравствуй, завтра!

Доброго утра тебе — в труде и радости!

День грядущий, не в далеком будущем ты. Не за горами высокими, не за морями глубокими. Не только теплой мечтой сияешь ты нам издалека. Твердой поступью идешь по земле моей дорогой Отчизны.

И чем ближе завтра, тем больше силы в руках, гордости во взгляде, энергии в труде. Великие планы наши не вызвали ни единого сомнения: сможем ли? На призыв партии миллионным аккордом прозвучало над советской землей:

— Выполним!

Озаренное завтра — это твоя поступь, твои первые, видимые миру лучи. Им яснеть, сил набираться, невиданным светом разлиться по родной моей Отчизне.

Грядет прекрасный день!

На земле, где в зареве Октября родилась свобода, на моей, на нашей земле наступает новая пора неудержимого разлива всенародного счастья творчества.

Партия начертала новую величественную программу расцвета нашей Родины. Звонкий отклик пронесся над землей, и каждое сердце отозвалось ему, ибо все сердца — горячие и беспокойные всегда с партией.

Так было. Так есть. Так будет вовеки!

И летит над нивами, над городами, сливается в миллионном аккорде всенародное:

— Выполним!

Планета ждет грядущий день.

Здравствуй, коммунизм!

И. СИНЕЛЬНИКОВ

ОРЕЛ НЕ РАССТАЕТСЯ С СОЛНЦЕМ

О черк

Операция была сложной и продолжительной. Когда она закончилась и санитары унесли раненого, врач сделал в журнале короткую запись:

«Дмитрий Кружилин, 16 лет. Помогая нашим саперам очищать пашню от вражеских мин, сам подорвался на mine. Ампутированы обе руки: левая — выше локтя, у правой — кисть.

3 апреля 1943 года».

..На восьмой день, когда еще не зарубцевались швы, он стал пробовать учиться писать своими изуродованными, укороченными руками.

— Для чего ты это делаешь? — спрашивали его.

— Работать буду!

— Работать?.. Такими руками!

Дмитрий пристально рассматривал культы. Он осторожно сгибал и разгибал их, разводил в стороны и снова сводил.

— Подождал бы, пока сделаем протезы! — посоветовал лечащий врач.

— Чего ждать? Протезы не заменят рук. Попробую обходиться без них.

..И, наконец, наступил день, когда, выписавшись из больницы, Дмитрий пришел к Блинову.

— Где будешь работать? — спросил Серафим Иванович.

— Где? Опять на тракторе.

— На тракторе? — удивился Серафим Иванович. — А где мы возьмем для тебя трактор? Сам видишь, МТС разорена, пашем и сеем на коровах.

— Потому и хочу на трактор, что на коровах много не напашешь. От такой пахоты у женщин на руках кровавые мозоли вздулись.

Он сам отыскал старый, списанный трактор, сам вызвался его отремонтировать, и это было труднее, чем учиться писать. Здесь, прежде чем приступить к ремонту, нужно было тщательно продумать каждую операцию: как, к примеру, взять культями молоток, как им замахнуться и нанести точный удар; как работать отверткой, гаечным ключом; как подтянуть болт, заменить новой сработавшую шестеренку. И это еще полбеды. Беда была в том, что не было ни инструмента, ни шестеренок, за ними ездили к местам бывших боев. Там снимали детали с подбитых вражеских танков, подгоняли их под стандарт и собирали моторы. Но как Кружилину ни было тяжело, он отремонтировал свой трактор.

Трактор хоть и носил гордое имя «Мономах», но, кроме имени, ничем не отличался от других машин. Теперь таких ветеранов не увидишь в колхозах, их можно встретить, пожалуй, в залах исторических музеев, но в тяжелые годы войны на них лежала почетная обязанность: они кормили армию и народ хлебом.

Осуществилась мечта Кружилина — он работал. Но его подстерегло новое несчастье: заводная рукоятка, выскользнув из рук, обратной отдачей повредила ему правое запястье.

Рана оказалась серьезной. Дмитрия вылечили, но врач категорически запретил ему работать на тракторе. — Подыщи себе другое дело, — посоветовал он.

«Другое дело?» Другого дела для Кружилина не было. «Как же быть? — спрашивал он себя. — Идти в сторожа или пасечники? А кто будет пахать, сеять? Опять женщины?.. Да у них, бедняг, не то что на руках, на лицах кожа потрескалась, как земля в засуху!..»

С тоскливым чувством Кружилин выписывался из больницы.

День был жаркий, земля паровала. За дальним бугром, точно уши спрятавшегося зайца, торчали растопыренные крылья ветряка. Кружилин увидел работающих женщин. Налегая на ляжки, они покрикивали на коров, помогая им тянуть тяжелый плуг. За плугом шла узкая и трудная бороздка.

«И это работа, а?.. Нет, черт возьми! Рано идти в сторожа и пасечники! Нельзя на трактор, сяду на комбайн, а если нельзя на комбайне, что ж, найдется же дело по душе!»

И Серафим Иванович нашел такое дело: поручил ему готовить кадры молодых механизаторов.

Кружилин не вел учета своим ученикам, не давал о них сводок, но в Каргинской МТС подсчитано, что в годы Великой Отечественной войны им обучено свыше 200 комбайнеров, штурвальных и трактористов.

...Несколько лет назад областная редакция газеты «Молот» предложила мне поехать в Каргинскую МТС Боковского района. Там я увидел стенную газету «За урожай». Гранки ее были написаны редкостно четким, каллиграфическим почерком.

— Здорово написано? — спросил Серафим Иванович.

— Чудесно!

— А писал человек, у которого... Впрочем, поехали к нему. Он руководит шестнадцатой тракторной бригадой, лучшей в нашем районе!

Мы приехали в бригаду в тот момент, когда Кружилин заправлял трактор. Меня удивил не столько тракторист, сколько его рабочая сноровка. Наполнив ведро

горючим, Кружилин поддел запястьем дужку ведра, легко поднял ведро до уровня бачка и вылил горячее. Все это он сделал четко, без малейшего напряжения.

Я изумленно смотрел на него.

Кружилин был без рубашки. Я хорошо рассмотрел его торс, покрытый связками мускулов. Голова у него была острижена под машинку, лицо загорелое, обветренное, светлые глаза сидели глубоко, рот резко очерчен, плотно сжат.

Кружилин поставил ведро в сторону, завинтил пробку, стал разговаривать с директором. Потом дружески улыбнулся мне.

— Извините, сегодня я занят, — он кивнул в сторону нескошенного массива. — Надо до вечера закончить загонку. Завтра буду свободен. Приходите ко мне домой, поговорим...

Кружилина я застал за странным занятием. Посреди комнаты лежал разобранный велосипед, а его хозяин в трусах и майке сидел на полу, собирая крошечный подшипник переднего колеса. Рядом с Дмитрием стояла банка с автолом, а на разостланной газете — кучка блестящих шариков. Прежде чем взять шарик, Кружилин окунал правое запястье в автол, шарик приклеивался, а уже после этого Дмитрий легко вкладывал его в обоймы подшипника.

Комната Дмитрия была заставлена книгами. Здесь были сочинения Дарвина и Докучаева, Тимирязева и Костычева, Вильямса и Лысенко, Мичурина и Якушкина; тома Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Льва Толстого, Горького, Маяковского... Учебники, журналы, газетные вырезки лежали на столе, стульях, подоконниках, ими был заполнен огромный сундук.

— Когда вы успеваете читать?

— Приходится, — ответил Кружилин. — Нельзя не успевать: готовлюсь заочно в университет.

...В тот вечер заснуть нам так и не удалось. Едва забрезжил рассвет, из бригады явился нарочный:

— Дмитрий Михайлович, трактор в борозде заглох.

-- Что с ним стряслось?

— Не знаю.

— Пойдем поглядим.

Я пошел с ними.

В хуторе уже пели кочеты. Пастух Афоня выгонял в степь колхозных коров. На востоке, как алый лампас на казачьих шароварах, разгоралась кромка зари.

Кружилин быстро осмотрел двигатель, устранил неполадки и через четверть часа за трактором снова ложилась черная полоса вспаханной земли.

Казалось бы, теперь можно было бы поспать, но Кружилин торопится в бригаду: выписывает наряды, готовит комбайны к жатве, дает указания трактористам, где начинать запахивать новое поле...

— Успеваете? — спросил я.

— Успеваю, — Кружилин вертит головой, смеется. Если бы я был господом богом, я бы сутки сотворил из резины, чтоб можно было их растянуть до семидесяти двух часов!

Смеется он искренне, заразительно...

...В ноябре прошлого года Дмитрий провел отпуск в Германской Демократической Республике. Автобус шел по автостраде из Веймара — родины Гёте и Шиллера. Буковый лес поредел, и его листья, охваченные изморозью, приняли золотисто-красные тона.

Кружилин не чувствовал себя праздным туристом. Его тянуло к людям, к таким, каким он был сам. В одном из кооперативов Кружилин долго рассматривал свинарник.

— Гут, гут! — говорил он сопровождавшим его рабочим фермы.

— Дайте мне лист бумаги, — обратился он к главному зоотехнику.

Достав авторучку, Дмитрий быстро набросал на бумаге схему свинарни.

Немцы были поражены.

— Вас ист дас?

Кружилин улыбнулся:

— Мы ведь друзья! Кое-чему нам следует поучиться. Вернусь домой, расскажу нашим животноводам. А вам кое-что следовало бы перенять у нас.

Немцы переглянулись:

— Например?

— Ну хотя бы искусственное осеменение животных, — сказал Кружилин.

— Гут! — сказали немцы. — Вы зоотехник?

— Нет. Тракторист.

— А почему вас интересуют свиньи?

— Нас интересует все хорошее! — ответил Кружилин.
...Мы с Дмитрием стоим на берегу Дона.

С шумом накатываются на песчаную отмель волны, а когда отхлынут назад, на песке барашковым руном остается белоснежная пена.

В верховьях Дона вешняя вода часто выходит из берегов. Сиротливо стоят затопленные сады и левады, тянутся к небу телеграфные столбы и колодезные журавли. Над ними безбоязненно пролетают дикие гуси и казарки.

Шумит, волнуется Дон. Он непокорный, бурливый, а через месяц, где сейчас плещутся волны, казачки будут сушить на плетнях выстиранное белье.

Задумчиво поглядывая на воду, Кружилин говорит:
— Удивительно быстро идет время. Как будто недавно поступал в университет, а уже подошла пора сдавать государственные экзамены.

Время действительно летит птицей. Давно ли Кружилин был бригадиром? А сейчас — главный инженер большого зерносовхоза. Я помню, как он поступал в университет: ему одновременно пришлось сдавать экзамены на аттестат зрелости и держать испытания в университет.

Помню, как он пришел ликующий и счастливый:

— Выдержал!

И положил на стол студенческий билет.

Я посмотрел на Дмитрия:

— Боже мой! Тебя родная мать не узнает: кожа да кости.

— Ерунда! — засмеялся Кружилин. — Кости целы. А это главное.

Он недавно закончил дипломную работу: «Проблемы социалистического реализма в романе М. Шолохова «Поднятая целина».

Вознесшийся в небо орел как бы не хотел расставаться с солнцем. Он забирался выше и выше. Над головой пролетела стайка скворцов и быстро, как горсть песка, брошенного в воду, утонула вдали.

Дома на столе лежала стопка писем. Их прислали из Приморья, Заполярья, Украины, Белоруссии... Рабочих, колхозников, солдат, офицеров — людей разных характеров, возрастов, судеб — волнует необычная судьба Кружилина. А вот письмо из Германской Демократической

Республики. Член Общества советско-германской дружбы Гюта Кюллер опять приглашает Кружилина в Германию. Она взволнованно рассказывает о том впечатлении, какое произвел на немцев этот «чудесный русский парень», и называет его руки матерински ласково «гольдене хонде», буквально — «золотые руки».

Н. ОСТРОВСКИЙ

МОИ МЕЧТЫ

...Всех своих мечтаний я не выразил бы и в десяти томах. Мечтаю всегда, с утра до вечера, даже ночью. Трудно сказать, о чем. Это не одна тупая мысль, которая возвращается каждый день из месяца в месяц. Она меняется снова и снова, как восход и закат солнца... Мечта для меня одна из самых чудесных зарядок. Я трачу массу энергии и тоже заряжаюсь, как аккумулятор. И вот надо найти источники, которые бы мобилизовали на работу. Моя мечта, самая фантастическая, всегда остается жизненной, земной; никогда не мечтаю о невозможном.

Мечта о мировой революции — глубочайшая моя мечта.

Множить силы моей страны, нашей республики. И никогда я так не страдаю за нее, как в мечтах. Если бы взять все миллиарды капиталистов, все силы техники, все, что лежит у них неподвижным грузом, если взять к нам их рабочих, голодных, изнуренных, доведенных до предела нищеты и страданий, дать им работу, жизнь. Я вижу пароход, на котором к нам едут эти рабочие, чувствую радость встречи и вижу народ счастливый, свободный.

Мечты беспредельны...

Часто начинается вспышка где-то в уголке мозга, а потом разворачивается в грандиозное и победоносное движение. Эти мечты дают мне так много. Вопросы личного, любви занимают мало места в моих мечтах. Ведь человек сам с собой не лжет. Для меня большего счастья, чем счастье бойца, нет. Все личное не вечно и не в таком огромном плане, как общественное. Но быть

не последним бойцом (а я обязан быть командиром, я никогда в мечтах своих не бываю механическим исполнителем) в борьбе за прекраснейшее счастье человечества — вот почетнейшая задача и цель.

Я никогда не смогу записать этого, нельзя передать такие чудные, волнующие мысли.

Случается, что я разговариваю с каким-нибудь слюнтяем, который ноет, что ему изменила жена и жить ему не для чего, у него ничего не осталось и т. д. И тогда я думаю, что если бы у меня было бы то, что есть у него: здоровье, руки и ноги, возможность двигаться по необъятному миру (это страшная мечта, и я не позволю ее себе), то что было бы?.. Я, молодой, стройный, здоровый парень, мысленно одеваюсь, выхожу на балкон и вижу перед собой всю жизнь... Что было бы? Я не мог бы просто пойти, я побежал бы стремительно и неудержимо. Может быть, побежал бы в Москву рядом с поездом, схватившись за вагон. В Москве пришел бы на завод и прямо в кочегарку, чтобы скорее открыть топку, понюхать запах угля, швырнуть туда добрую порцию его. О, я дал бы шесть тысяч процентов — семь тысяч процентов выработки, я невероятно выжимал бы проценты. Я жил бы жадно, до безумия. Сколько я мог бы дать, сколько надо бы выкачивать из меня, прежде чем я бы устал. Вырвавшись из девятилетней неподвижности, я был бы беспокойнейшим человеком, я бы не уходил с работы, пока не насытился ею.

Таковы мои мысли, когда какой-нибудь идиот пускает слюни и не находит, для чего жить...

В нашей стране быть героем — святая обязанность. У нас не талантливы только лентяи. А из ничего не рождается ничего, под лежащий камень вода не течет. Кто не горит, тот коптит — это закон. Да здравствует пламя жизни!

Эгоист погибает раньше всего. Он живет в себе и для себя.

И если поковеркано его «я», то ему нечем жить. Перед ним ночь эгоизма, обреченность. Но когда человек живет не для себя, когда он растворяется в общественном, то его трудно убить: ведь надо убить все окружающее, убить всю страну, всю жизнь. Я погиб частично, но мой отряд процветает. И боец, который, умирая в цепи, слышит победное «ура» своего отряда, получает пос-

леднее и какое-то высшее удовлетворение. Нет для бойца более страшного сознания, чем сознание, что он предал, что из-за него погиб отряд, — он будет всю жизнь носить страшную тяжесть предательства.

Личные трагедии будут и при коммунизме, но жизнь будет прекрасна тем, что человек перестанет жить узкой личной жизнью.

Наши товарищи — не герои на час. Личные страдания для них уходят на задний план, главная трагедия — прекращение борьбы.

Для меня каждый день жизни — преодоление огромных страданий. А я говорю о десяти годах жизни. И вы видите мою улыбку, и она радостна и искренна. Я живу огромной радостью побед нашей страны, несмотря на свои страдания. Нет радостнее вещи, как побеждать страдания. Не просто дышать (и это прекрасно), а бороться и побеждать.

Л. ИВАНОВ

КРЫЛЬЯ АГРОНОМА

Уже вечерело, когда я зашел в кабинет главного агронома территориального управления. У большого письменного стола сидели трое, а в углу на диване, уронив седую голову на грудь, дремал еще один человек. Я сразу узнал его — Степан Александрович, или попросту «дед», как его величали в колхозе, который он возглавляет лет уже двадцать.

Остальные трое — тоже знакомые мне люди: Васильев и Кузнецов — агрономы совхозов, а Смирнов — представитель области, в недавнем прошлом тоже совхозный агроном. «Главного» в кабинете не было. — Волконского увел на исповедь, — рассмеялся Васильев. — Слышали, поди, эту историю?

Волконский почти десять лет работал главным агрономом Соколовского совхоза, получил там две или три награды за урожай. В конце прошлого года его назначили в Лабинский совхоз. Хозяйство это образцово-показательное, и назначение туда Волконского было для него почетным продвижением. Но нынче, в самый разгар весеннего сева, Волконский подал заявление об уходе.

Вот и вся вроде история. А между тем говорили о ней много.

— Размазня этот Волконский! — решительно произнес Васильев. — С Никаноровым — только работай. Человек авторитетный, Герой Труда, сам агроном. Это не то, что мой. «Давай согласуем, посмотрим, как другие, созвонимся», — заокзал он, передразнивая своего директора. — Ни единого шага самостоятельно, все по указанию свыше...

— Агрономам власть-то так и суют в руки, — заговорил Смирнов. — Недавно же вышло постановление. О нас с тобой, о специалистах. Зачем же ты на директора обижаешься? Дерзай!

— Постановление очень нужное. Кто возражает, — согласился Васильев. — Особенно для колхозных специалистов: зарплата гарантирована. А вот насчет авторитета... И раньше были ведь такие решения. Помните: без ведома агронома никто и ничего, и так далее. А везде ли это выполнялось? Кто диктовал сроки сева, нормы семян да и всю агротехнику?.. Так-то вот! Понадобилось еще раз постановлять.

— Ты что же: недоволен? — усмехнулся Смирнов.

Полное лицо Васильева побагровело, коричневая от загара шея напряжинилась:

— А ты не усмехайся, Петр Васильевич! Партия заботится о нашем авторитете, за это большое спасибо! А вот это что такое?! — он торопливо вытащил из кармана газету, развернул ее. — Читал? — ткнул он пальцем в статью на первой странице. — Читал! И тебя не возмутило?.. Послушай вот!.. «Агроном колхоза товарищ Святкин планирует развернуть сев яровой пшеницы после 10—11 мая, а закончить его в третьей декаде месяца. В этом колхозе мы встретились со старшим агрономом производственного управления товарищем Шебельским. Оказывается, он поддерживает позицию Святкина, стоит за поздний сев». Видел как! Агроном колхоза — и смеет иметь свое мнение о сроках сева, а агроном управления осмелился поддержать его! Я их обоих знаю. Ребята опытные, в том районе годов по пятнадцать работают. Они, оказывается, не знают, когда лучше сеять, только корреспондент знает. Не дико ли это? Разве так надо заботиться об авторитете специалиста? Или возьми уполномоченных!

— Нынче нам уполномоченных не прислали, — сказал Кузнецов.

— Зато к нам сразу троих! — горячился Васильев. — Во главе с директором промкомбината. Тот шумит: завершить сев к десятому мая!

— Ну, а ты что? — заинтересовался Смирнов.

— Я?.. А я говорю ему: после сева попрошусь уполномоченным к тебе на кирпичный завод и ради ускорения сроков заставлю вытаскивать из печей недообожженные кирпичи. Он посмеивается: у нас, говорит, есть специалисты кирпичного дела, они знают, когда кирпичи вынимать. Понимаете? До некоторых деятелей еще не дошло, что агрономы — тоже специалисты своего дела. Да и то сказать, вон в Иртышском районе — всего четыре колхоза, а в райорганизациях работает более двухсот человек; где им всем занятие найти? Ну, и гонят уполномоченных целыми бригадами.

— Но все же, чем дело-то кончилось? — спросил Кузнецов.

— Да если бы не наш инспектор Василий Михайлович, могли бы дров наломать. Директор-то мой, сами знаете, трусоват. А Василий Михайлович позвонил куда надо, и всех уполномоченных — на сеялочные агрегаты. Рядовыми!

Васильев глянул на часы:

— Долго же Шатов с Волконским возится... А дело-то ясное: струсил!

— Правильно, струсил!

Все повернулись к дивану. «Дед» уже не дремал. Он неторопливо поднялся, расправил свои пышные рыжеватые усы, шагнул к столу.

— Струсил он, хлопцы... Но таких трусливых среди нашего брата многовато, понимаешь, развелось... Что, неправда? — строго взглянул он на Васильева. — У тебя виски-то уже седые, но и ты не осознал еще большущей роли, которая нашим агрономам отведена. Вы тут говорили: агроном — это же как инженер на заводе. А я скажу — больше! Кто у нас директором совхоза или председателем крупного колхоза? А секретарем сельского райкома или председателем райисполкома? Чаще всего — агроном! Да и секретари обкомов... У нас, например, и первый, и еще несколько секретарей — все агрономы. И от нас, понимаешь, от нас зависит, какого руко-

водителя выкуем из агронома, с настоящими крылышками или так... Есть курица, а есть орел! У обоих крылья, только разные, один гордо летает, а другая... Правильно я говорю?

— Очень правильно говорите, Степан Александрович!

«Дед» оглянулся: в дверях стоял Шатов — главный агроном управления, рослый, широкоплечий.

— Извините, товарищи, задержал вас... Разговор состоялся очень интересный. И знаете, Степан Александрович, примерно на эту же тему.

Шатов в нескольких словах изложил историю Волконского. Директор Соколовского совхоза — агроном, и все годы работы там Волконского агротехнику диктовал не он, а директор. И Волконский постепенно привык к такому распределению обязанностей. Тем более и урожай получали в совхозе терпимые, быть же исполнителем при начальнике — дело нехитрое. А в Лабинском у Никанорова требования иные. Никаноров всю полноту власти над землей отдает агрономам. В первые же дни полевых работ Волконский к Никанорову: начинать сев или ждать? Никаноров со свойственной ему иронией говорит: «Ты агроном, тебе и решать, а я могу только посоветовать. Но и за урожай спрос только с тебя». Волконский растерялся: хозяйство-то все же образцово-показательное... Однако человек он честный и откровенно сказал Никанорову: «Так не могу!»

— А вы знаете, сколько Никаноров подготовил директоров? — заговорил «дед».

Все оживились, стали припоминать воспитанников Никанорова. А их уже порядочно — четыре агронома и два зоотехника Лабинского совхоза стали директорами крупных совхозов. В их числе и Шумаков — предшественник Волконского. Один агроном — секретарем райкома, а заместитель... А с заместителем история и мне знакома.

Колхозники соседней с совхозом артели никак не могли подобрать подходящего председателя. И городских пробовали, и своих — не получалось. И вот однажды в райком явилась делегация колхозников с просьбой: дайте нам председателя никаноровской выучки! Райком уважил просьбу — направил в колхоз заместителя Никанорова. И через два года эта отстающая артель вышла в число самых передовых в районе.

— Новому управлению надо побольше уделять внимания закалке агрономов, — настаивал «дед». — В каждом агрономе надо видеть будущего руководителя — генерала от сельского хозяйства, значит, больше доверять! Надо, как у Никанорова: и люди с крыльями, и урожаи самые высокие!

Шатов при этих словах улыбнулся:

— А ваш агроном Зайцев на полной самостоятельности?

«Дед» явно смутился, затеребил свои пышные усы.

— У нас, понимаешь, агроном молоденький, приехал из техникума. Да если уж прямо говорить — против Никанорова я на другом полюсе, да и состарился... Верно, не рашу крылья своему агроному, на побегушках он. А все почему? Из жалости! Мальчиком еще приехал, любой уполномоченный цыкнет на него — вот и растерялся. Агротехнику я взял на себя, это в районе все знали и нашего агронома не обижали.

— Значит испортил парня, — усмехнулся Васильев.

— Он в институт поступает, и я с радостью отпускаю! Будет и он, понимаешь, с крыльями!

— С такой школой воспитания вам, «дед», Волконского надо брать! — весело рассмеялся Смирнов.

— Так я и приехал за Волконским...

Воцарилось молчание. Но тут зашел Волконский. Зашел как-то нерешительно, словно попал в чужую компанию. Но увидев «деда», немного оживился, подошел к нему, заговорил тихо и как-то робко:

— Теперь я свободен, Степан Александрович, и согласен под вашу руку...

Зазвонил телефон. Шатов снял трубку.

— Слушаю!.. Да, решено... Хорошо. Молодого?.. Приезжай послезавтра, сам выбирай. Прибывают пять молодых агрономов из нашего института, сам и выбирай. Договорились?.. Хорошо. — Положив трубку, пояснил. — Никаноров просит молодого агронома. Ну, давайте, товарищи, насчет планов уборки урожая, — решительно произнес он.

А «дед» и Волконский вышли из комнаты.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЛЕГЕНДЫ

И началась работа! Я вспотел в первые же минуты. Это оказалось и просто и невероятно трудно. Машина подлетала, расплескивая серый, грязный бетон, задним ходом взлетала на бревна, опрокидывала кузов, я бросался в самую грязь, в кузов, скреб лопатой налипший на углах бетон — тяжелый, вязкий, как жидкий чугун, — скатывался вместе с ним в бадью, барахтался там, утопая в бетоне, выпрыгивал, неся пуды на сапогах, орал: — Ви-ра-а! Давай!

Кран лязгал, дергал, бадья вставала дыбом и взлетала в небо. Из нее сыпались камни, ляпал раствор: я отбегал к самому барьеру, там где-то внизу рыжий Николай направлял бадью, открывал, но я не смотрел — лихорадочно записывал номер машины, ставил крестик, оттаскивал бревна, чтоб не придавило бадьей, а она уже летит, пустая. «Гур-гур-грох!» — поволокло по эстакаде. Я бросаюсь к ней, упираюсь руками изо всех сил, веду на место. Крановщик сигналил: «Ту-ту, ту-ту!» Дальше, дальше! Прочь! Я отскакиваю, а бадья тяжело валится на салазки.

— Давай!

Машина подлетает, тащу бревна.

— Задний ход! Вали-и!

Я набил себе мозоли на ладонях уже в первые минуты. Руки разбиты черенком лопаты до крови. Обливался потом на жаре, хотел пить, стал задыхаться. А машины шли, шли. Я бросался, кричал «вира», тащил...

Какой тяжелый он, бетон! Липкая, серая, перемешенная с камнями масса. Полную лопату почти невозможно поднять. Хоть бы минуту передышки! Нельзя: очередь, очередь машин.

Уже я не мог поднимать лопату, с ужасом думал: а вдруг не выдержу до конца смены? А вдруг попаду под бадью? Похолодело сердце, дрожь. Надо выдержать, надо справиться! Шоферы были разные: одни веселые, бесшабашные — они с лету открывали кузов так, что вылетало почти все; другие медленно пристраивались, у них бетон нехотя полз, и половина оставалась в кузове. Я махал, махал, чуть не выворачивая руки.

Надо выдержать, надо выдержать! Выдержать!

Вытирал кровь с рук о штаны, боли не чувствовал, соленый пот заливал глаза и больно ел их, нечем вытереть: все мокрое от раствора и пота. Волосы перепутались, лезут в глаза. Выдержать, выдержать!

Так шел час, так шел второй, третий... Это был кошмар. Я уже лез под бадью, забыв об опасности... Крановщик недовольно сигналил и тормозил. Когда же перерыв? Когда же хоть чуть убавится машин? А они шли, а они шли... Неужели не выдержу?

И в этот момент грянула гроза. Налетели низкие, пепельно-тревожные, стремительные облака, захватили все небо, солнце мигнуло и погасло, красное, насовсем, и наступила ночь. Молния брызнула над самыми стрелами кранов, хлестнул ливень, забарабанил по голове, пронизал насквозь холодком. Здесь, на поднебесной эстакаде, я был как на открытой сцене. Я оглянулся: все заволочло сизой пеленой дождя, хлещут и пляшут по эстакаде тысячи капель, молнии сверкают, и кажется, пахнет серой. Машины зажгли фары. Идут, идут.

Мокрый до костей, одуревший, вода течет, глаза заливают! Дождь освежил меня, и я вдруг понял, что выдержу!

Шоферы, казалось, пришли тоже в азарт. Взглянул вверх — крановщик в будке скалит зубы, одобрительно кивает: давай-давай!

Вот он какой, этот колосс-кран, — я до сих пор его видел только на картинках, даже не верится, что это он и я! Он подчиняется взмаху моей руки, поднимает бадью, как пушинку, когда я кричу «вира», и кладет ее осторожно, легким рывком, когда я приказываю «майна». Машина слушается меня! Я не боюсь ее!

Вспомнилось, как на беговой дорожке на длинную дистанцию бежишь и на середине пути чувствуешь, что все, сейчас упадешь. И, если пересилишь себя, приходит второе дыхание. Дождь принес мне второе дыхание!

Силы, силы! Я впервые в жизни понял, почувствовал, что такое настоящая работка, с ветерком, с соленым потом в глазах. Шоферы что-то весело кричали — за шумом дождя я не слышал. Снизу Николай, сжав руки в один кулак, показывал мне над головой, наверное, говорит: хорошо дело идет! Вот он, бетон, на моих глазах превращается в быки — их я тоже видел только на

картинках. Весь бетон идет через мои руки. От меня зависит работа всей бригады, от бригады — Иркутская ГЭС. Ну!

Ливень. Ночь, огни. Прожекторы загорелись и пронизали дождевую мглу. Грохот. Возбужденные люди, соленные шутки. Эх, давай нам горы, мы горы перевернем!

В наши дни свершается то, о чем веками мечтали величайшие умы человечества, за что проливали кровь и отдавали жизни лучшие сыны и дочери разных времен и народов. Своими руками, своей волей, своим упорством и настойчивостью мы строим самое прекрасное общество на земле — коммунизм.

Во главе многомиллионной армии создателей нового общества уверенно и твердо шагают пионеры, разведчики будущего — ударники и члены бригад коммунистического труда, труда творческого, вдохновенного, труда, который приносит огромное моральное удовлетворение. Бескорыстие, глубокое чувство коллективизма, высокий гуманизм — характерные черты советского человека наших дней. Но, что самое главное, неотъемлемым качеством советского простого человека становится новое, коммунистическое отношение к труду. Это — величайшее завоевание нашего строя. Труд в нашей стране становится творчеством. Только в такой работе превращается человек в настоящего коммуниста.

Е. КОНОНЕНКО

ШАГАЕМ В БУДУЩЕЕ

Отрывок

Почему теперь они идут на завод в приподнятом настроении, словно ждет их там что-то пленительно-радостное и неизведанное, новое, всякий день новое? Ведь не на бал они спешат, не на свидание, не на лыжную прогулку в Коломенское, столь обожаемую ими, не на встречу с давно невиданными друзьями. Их ждет напряженная работа в суровом литейном цехе, где они, формовщицы отделения точного литья, будут, как и вчера, готовить смесь из парафина и стеарина, собирать и разбирать пресс-формы, заполнять этой горячей смесью металлические гнезда, обдувать и охлаждать готовые модели и так далее и тому подобное. И хоть в их хозяй-

стве автоматические карусельные стволы, ловко делающие повороты, шланги, из которых так бойко льется модельная паста, сжатый воздух и многое другое, а сами они — здоровые, энергичные, полные свежих сил, молодости — все же труд их требует немало напряжения мускулов, глаз, нервов.

И скажем прямо, хоть они, вот эти шесть формовщиц во главе с бригадиром Ниной Смирновой, добросовестно трудились и до того, как взяли на себя повышенные обязательства, все же не всегда они шли на работу так, словно их ветром несло. И не всегда так дружно бежали на политзанятия, напевая свою любимую «Куда ведешь, тропинка милая...»

Что же, что с ними случилось с той поры, когда они стали бороться за звание бригады коммунистического труда, а потом и получили это почетное звание? Ведь нельзя сказать, что у всех шестерых безмятежно счастливая личная жизнь, полное бытовое благополучие. И забота, есть, и огорчения, и не осуществленные пока желания.

А в глазах счастливый и даже чуть загадочный блеск. В глазах читаешь: «Мы знаем то, что не все еще пока знают. Вы даже представить себе не можете, как это здорово».

«Девушки, — мысленно обращаюсь я к ним, слушая их деловой рассказ о том, как они перевыполняют план, как экономят парафин со стеарином, борются с браком, осваивают все виды операций, — девушки, откройте мне свою прекрасную тайну, расскажите, что это «то, что не все еще пока знают». В недалеком будущем все люди будут жить и работать по-коммунистически, а вот вы первооткрыватели, разведчики... Расскажите!»

И я их спрашиваю об этом вслух, напрямик. Всех шестерых сразу и каждую наедине.

Нина Смирнова — стройная, пышноволосяя, с задумчивыми глазами цвета темного янтаря. Она отлично знает характеры всех девушек своей бригады, любит этих девушек, старается найти в каждой из них тот бубенчик, о котором говорил Максим Горький: тронешь его — и заговорит, зазвенит в человеке все то хорошее, что в нем есть.

— Не знаю даже, как это объяснить, — заметно волнуясь, говорит Нина. — То ли потому, что мы сблизились.

То ли потому, что взяли на себя такое... Ведь подумать только: по-коммунистически трудиться и вообще жить!.. Ведь это же не игрушки. Я не знаю еще пока, как это выразить. Но только состояние у нас у всех необыкновенное. Как-то празднично на душе и тревожно. Большая, огромная цель жизни...

— Но ведь она и раньше была, Нина.

— Была, конечно! Но только теперь мы ее как-то ощутили... Вот прямо на ощупь. Нет, это не объяснишь, это надо самому попробовать так жить... И вот каждый день у нас теперь интересный, значительный, каждый день мы вроде что-нибудь открываем.

— В работе?

— Да, в работе прежде всего, потому что ведь мы, знаете, как должны теперь работать на производстве!.. Мы план-то взяли за девять месяцев выполнить... Да, в работе, и вообще:.. в характерах друг друга кое-что изменить, каждая в себе, во взаимоотношениях друг с другом и со всеми. Одной надо побороть в себе самолюбие, другой — грубость, дерзость, третьей — мне, например, — научиться владеть собой... Ну, в общем у каждой из нас есть такое, чего не должно быть, если уж хочешь жить по-коммунистически. А мы хотим! И мы хотим этого, очень хотим!

ЕДИНСТВЕННАЯ ДОЧКА

Заведующий фермой — Василий Петрович Шагов.

Его жена, доярка — Анна Ивановна.

Дочь Шаговых — Людмила.

Действие происходит в доме у Шаговых. На сцене — Василий Петрович и Анна Ивановна.

Василий Петрович (*продолжая разговор, сердито*). Сказала бы ей — с ума сошла, дочка! Что надумала...

Анна Ивановна. Говорила.

Василий Петрович. Отец, мол, на тебя надеялся...

Анна Ивановна. И это говорила.

Василий Петрович (*с огорчением*). Что теперь люди скажут?

Анна Ивановна. Никуда, говорит она, не поеду. Останусь в колхозе и буду на ферме работать. По примеру родителей.

Василий Петрович (*возмущенно*). Да я ей таких родителей покажу! «По примеру...» Ишь ты... (*Вздыхая*). Единственная дочка! Поил, кормил, ничего для нее не жалел. Думал, будет на старости лет доктор свой. Лечить, выслушивать, рецепты писать...

Анна Ивановна (*с улыбкой*). Да на что тебе рецепты? Сроду не болел.

Василий Петрович. Не твое дело! Будет доктор, болезни найдутся. Ну, коли она по-своему решила, пусть по-своему и живет. Смотреть на нее не хочу!

Анна Ивановна (*всплеснув руками*). Господи! На родную-то дочь!

Василий Петрович. Десять классов кончила, аттестат получила — и коров доить! Не допущу! Сам в город отвезу. При мне пусть экзамены держит!

Анна Ивановна (*примирительно*). Ну что ты развоевался? Куда вы поедете? Ездил она в прошлом году — не попала. Теперь сама дорогу ищет. И найдет. Не мешай ей, Вася, вспомни свою молодость.

Василий Петрович (*язвительно*). «Не мешай». Ишь ты, какая умная. Моя молодость на фронтах проходила. А ей чего не хватает? Все для нее! Люди по пять раз ездят и ничего. Вон Игорь Мигаев в четвертый раз пытается. Хочет человеком стать.

Анна Ивановна. Что значит «человеком»? А мы с тобой не люди? Сколько народу в колхозе трудится, они кто? А Игорь твой — лодырь! Четыре года баклушничает. В прошлом году в артисты метил — не приняли, в позапрошлом в радисты — провалился, нынче на зубного техника подался. Это, по-твоему, человек? Да? Старуха-мать работает, а он с гармошкой по вечеринкам.

Василий Петрович. Ничего, выучится — будет вам зубы дергать.

Анна Ивановна. Ну да, все докторами станут — зубов не напасешься.

Василий Петрович. Хватит! Поговорили. Зови Людмилу, пусть собирается.

Анна Ивановна уходит.

(*Взял со стола газету, читает*) «Что может быть почетнее для сельской молодежи, чем работать в родном колхозе? Животноводство — наше близкое, родное дело. Раньше думали на скотном дворе грязь, сырость. Ничего подобного! У нас образцовое хозяйство: автопоилки, подвесные дороги, кормоцеха. Какой простор для молодых, энергичных людей...» (*Спрятал газету*). Да-а, образцовое, а доярок не хватает. Матрена Григорьевна зачудила. Самое сейчас молоко, а она на пенсию уходить выдумала. (*Вздыхнул*). Никто не сочувствует!

Входит Анна Ивановна.

Анна Ивановна. Сейчас Людмила придет.

Василий Петрович (*не слушая ее, продолжает*). На правление, старая, вытащила: отпускаяй, да и все. Ничего не поделаешь, придется.

Анна Ивановна. Что ты все ворчишь?

Василий Петрович. Тебе что? Надоила три тысячи от каждой коровы — и герой! Почет, уважение от людей, в пояс кланяются. А мне за все отвечай. Концентратов не привезли — с меня спрос! Сено плохое — опять. «Маркиза» удои снизила — заведующий виноват. А тут еще Матрена Григорьевна мораль читает: «Ах ты, такой-сякой, о чем раньше думал, почему кадры не готовил? У меня, говорит, у самой сердце болит уходить». «Так кто же вас гонит, Матрена Григорьевна? Ужасная вы женщина!» «Ревматизм, — отвечает, — больше не выхожу. На курорт еду лечиться. Заместо меня внучка поработает. Золотые руки, а не внучка!» Что это за внучка?..

Входит Людмила

Ага, пришла?..

Людмила. Пришла...

Василий Петрович. Ну, дочка, удружила. Обрадовала старого отца. Спасибо!

Людмила. Ты уже все знаешь?

Василий Петрович. Как же! Доучилась... до скотного двора!

Людмила. На скотном дворе замечательные люди работают.

Василий Петрович. Кто же, например?

Людмила. Моя мать и мой отец!

Анна Ивановна (*восхищенно*). Молодец, дочка!

Василий Петрович (*жене*). Ты помолчи! Тебя не спрашивают. (*Людмиле*). А сколько мы с твоей матерью классов прошли, а? Вдвоем — шесть. У нас и школы-то в деревне не было. А тебе все дали. Аттестат имеешь — и вдруг... в доярки. (*Решительно*). Собирай вещи, едем!

Людмила (*удивленно*). Куда?

Василий Петрович. Экзамен держать. В институт. Тебя же допустили. Едем!

Людмила. Не поеду! В колхозе буду работать и на заочном учиться.

Анна Ивановна. Вот, блажной...

Василий Петрович (*жене*). Помолчи, Анна. Не твое дело. (*Людмиле*). На ферму захотела? А знаешь ли ты, какие вредные есть коровы?..

Анна Ивановна (*перебивая его, укоризненно*). Да что ты, отец?! Или она не доила? Да Людмила кого хочешь поучить может. Матрену Григорьевну послушал бы...

Людмила (*матери*). Мама, прошу вас.

Василий Петрович (*Людмиле*). Думаешь, тебе сразу рекордисток дадут? Начнешь мировые достижения показывать? Нет, дочка, у нас ферма, а не стадион. Работать надо.

Людмила. Во-первых, чтобы поставить рекорд на стадионе, тоже требуется поработать и не мало. А во-вторых, я работы не боюсь.

Василий Петрович (*не слушая ее*). Коровок вырастить надо, приучить, характер воспитать. Вот Матрена Григорьевна — профессор старуха! Без нее теперь ой-ой как трудно колхозу будет. Такой старушке цены нет! Семьсот трудодней выработывала!

Людмила. Думаешь — молодая не сумеет?

Василий Петрович (*пренебрежительно*). Где им, молодым. Танцы на уме... Подумай, дочка. Хочешь учиться, а назад повернуть — поздно будет.

Людмила (*с ударением*). А я буду учиться. Работать и учиться. И Алеша решил... Мы вместе решили. (*Смутилась и замолчала*).

Василий Петрович. Алеша!.. Ну, теперь я понимаю, откуда ветер дует. «Алеша решил!» Слышишь, мать! Пусть только он сюда придет! Я ему покажу, как дочку с пути сбивать.

Людмила. Алеша только поддержал меня, а уговорил-то другой.

Василий Петрович (*в изумлении*). Другой? Еще и другой есть?!

Людмила. Есть! (*Быстро вытаскивает у отца из кармана газету и громко читает*) «Что может быть почетнее для сельской молодежи, чем работать в родном колхозе?.. Животноводство — наше близкое и родное дело... Какой простор для молодых, энергичных людей... В. П. Шагов, заведующий молочнотоварной фермой». Ну вот, я, молодая, энергичная, и предоставь мне, пожалуйста, простор. А то я всем расскажу, как В. П. Шагов, заведующий фермой колхоза «Рассвет», не разрешает своей дочери работать на ферме.

Василий Петрович (*смущенно*). Для твоей же пользы, Людмила!

Людмила (*показывает газету*). А это для чьей пользы? Или у тебя, отец, две правды: одна для газеты, а другая — для дочери?

Василий Петрович (*угрюмо*). Не тебе меня судить. Молода еще. Уродителей ума-разума набирайся.

Людмила. Я и набираюсь. (*Показывает на газету*). Читаю и набираюсь.

Анна Ивановна (*смеясь*). Крыть нечем, Петрович! Сдавайся.

Василий Петрович. Думал я, свой доктор на старости лет полечит, рецепт напишет... Ладно! Иди на ферму. Вот придет внучка, к ней и определю. Поучишься.

Людмила (*удивленно*). Чья внучка?

Василий Петрович. Матрена Григорьевна на пенсию уходит и внучку вместо себя присылает.

Анна Ивановна. Матрена?! Сроду у нее внучки не было.

Василий Петрович. А кого же она так расхваливала? Не станет Матрена Григорьевна зря говорить. Я ее знаю. А тут разливается: золото, а не внучка. Подход к животным имеет. Отвечаю, говорит, за нее...

Анна Ивановна. Вот оно что... Знаю эту внучку. Она и нам с тобой немного родственницей приходится. (*Людмиле*). Я говорю — талант у тебя, Людмила. Редкостный...

Василий Петрович (*перебивая ее, с удивлением*). А при чем тут наша Людмила?

Анна Ивановна. Как при чем? Да ведь Людмила давно на ферму ходит. От тебя тайком. Это же ее Матрена Григорьевна внучкой называет. Души в ней не чает.

Василий Петрович (*растерянно Людмиле*). Так это... ты внучка?

Анна Ивановна. Сообразил наконец!

Занавес.

СОДЕРЖАНИЕ

Моральный кодекс строителя коммунизма	3
Писатели о труде	4
А. Шомахов. Слава тебе, работа!	5
Н. Доризо. Гимн коммунизму	6
М. Вершинин. Гимн труду	9
Л. Дербенев. Это будет	11
Э. Иодковский. Я буду жить при коммунизме	12
Е. Долматовский. Через двадцать лет	13
Ю. Каменецкий. Программа партии	14
М. Матусовский. Идет рабочий класс	15
Н. Флеров. Здравница космонавтам	17
А. Елков. Бригада	19
О. Дмитриев. Нет преграды мечте	21
Ф. Белкин. Трактористу	22
Л. Ошанин. Механик	23
Ю. Петров. Геркулесы	24
А. Романов. Вологда — Череповец	25
Ф. Белкин. Кузнецы	26
Н. Касьянов. Ровеснику	27
И. Тарабукин. Космические частушки	28
В. Кетлинская. Мужество (отрывок)	29
К. Басенко. Гряди, завтра!	31
И. Синельников. Орел не расстаётся с солнцем	32
Н. Островский. Мои мечты	38
Л. Иванов. Крылья агронома	40
А. Кузнецов. Продолжение легенды	45
Е. Коненко. Шагаем в будущее	47
А. Кулик. Единственная дочка	50